

EX LIBRIS

От редакции:

В этом номере журнала мы начинаем новую рубрику EX LIBRIS, материалы которой призваны продемонстрировать, с одной стороны, возможность соционического подхода к самым разным сторонам жизни людей, а с другой — показать как в классических литературных произведениях отражаются соционические аспекты информационного метаболизма.

Начинаем мы наши публикации с труда К. Яроша «Психологическая параллель. Иоанн Грозный и Петр Великий». Написанная сто лет назад работа не утратила своей красоты и актуальности.

Автор пользовался столь ясным «соционическим» языком, что портреты двух типов: ●□ (Петр I) и ■△ (Иван Грозный) очерчены необыкновенно ярко. Прослеживаются общие квадратные установки и особенности, и существенные отличия в способах их проявления и жизненной реализации, свойственных ●□ (СЛЭ) и ■△ (ЭИЭ). Материалы этого труда использовались О. Б. Карпенко в исследовании типа Петра I¹, но недоступность его для широкого круга читателей послужила причиной полной публикации в нашем журнале. Редакция минимально изменила орфографию подлинника, приблизив её к современной, А. В. Букалов и О. Б. Карпенко снабдили текст комментариями.

© 1999

Букалов А. В., Карпенко О. Б.

КОММЕНТАРИИ К РАБОТЕ К. ЯРОША
«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ. ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Проф. К. Ярошъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.

ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ и ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.
1898.

Ярош К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.
ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ

I

Всем известно, насколько бывают разнообразны и даже противоречивы суждения людей об одном и том же лице или событии. Весьма нередко к одному и тому же человеку адресуются с различных сторон похвалы и порицания, благословения и проклятия, лавровые венки и злые, угрожающие жесты. Точно так же и известное событие в описании одного наблюдателя предстает в чертах веселого комизма, в изображении же другого свидетеля оно окрашено колоритом суровой трагедии. Причиной этому служит многосторонность природы как судящих, так и судимых, и великая сложность фактов человеческого общежития. Наша оценка каждого предмета находится в зависимости от производимого им на нас впечатления. Действие же свойств предмета проходит через призму наших взглядов, симпатий и антипатий, и эта призма распределяет так или иначе свет и тени. Сверх того, большое значение имеет пункт, с которого производится

¹ Соционика, ментология и психология личности. № 4. 1996.

наблюдение, потому что картина группы факторов изменяется сообразно тому, смотрим ли мы на нее сверху или снизу, справа или слева. Зритель, созерцающий только показную, праздничную сторону жизни, поражается красотой внешнего покроя, лежащего на фактах; с искренним восторгом любуется он золотым шитьем этого покроя и неустанно описывает блеск сияющих пред ним драгоценных камней. А в это самое время другой наблюдатель, поместившийся на противоположной точке зрения, с ужасом видит изнанку явлений, безобразные лохмотья со следами крови и грязи; обобщая видимое, он раздражается воплем отчаяния и осуждения. Таким образом, оптимистические и пессимистические доводы сталкиваются, печальная элегия парализует торжественность оды, и к восторженным словам панегирика примешивается свист сатиры. В результате получается своеобразный концерт, в разноголосом шуме которого часто теряется голос прямой, беспристрастной истины.

Нетрудно понять, какую роль должна играть упомянутая причина — сложность человеческой природы и общежития — в области исторических изысканий. Добросовестный историк стремится всеми силами достигнуть так называемой объективности, но ему не легко отрешиться от самого себя, опустошить свою душу, отодвинуть в сторону дорогие его уму и сердцу кумиры. И вот мы часто замечаем, что историк, описывая крупных исторических деятелей, находит лишь любимцев и сторонников; стараясь объяснить былое, он проводит лишь свои заветные идеи: исторические данные под его пером, как клавиши под руками артиста, играют и поют мелодию композитора. Истина прошедшего здесь приносится в жертву «злобе дня» и гадательным запросам будущего. Разносторонность исторических фактов открывает широкий простор для всяких «применительных» толкований — и сон веков, отошедших в вечность, нарушается гомоном борьбы живых страстей. Но этого мало. К субъективности личностей присоединяется еще субъективность эпох. Человечество движется отнюдь не прямолинейным путем. Его дорога идет зигзагами, «направлениями», «веяниями», периодами изменяющейся умственно-нравственной моды. Эти периоды или эпохи имеют свои главнейшие, сражающиеся и побеждающие идеи, задачи, верования, вкусы, девизы. Все это не может не отражаться на исторических, ретроспективных взглядах данного времени. Фигуры исторической панорамы, попадающие в поле зрения руководящих тенденций, озаряются ярким светом, тогда как представители немодных идей и принципов остаются в тени, отбрасываются с презрением и ожидают своего дня, чтобы выступить вперед. Здесь происходит, следовательно, то же, что и в период господства той или иной дамской моды, когда некоторые цвета становятся общеобязательными, тогда как другие выбрасываются из употребления и как бы перестают существовать.

Указанная и ей подобные причины обуславливают собою нередкие случаи исторических разногласий и противоречий. Ими же объясняется и рознь взглядов наших ученых на два крупнейших факта отечественной истории, на личность первого русского царя и первого русского императора. И в самом деле, напрасно искали бы мы в отечественной исторической литературе точного, решающего ответа на вопрос о политическом значении и нравственной сущности царя Иоанна Васильевича. Прочитывая длинный ряд относящихся к вопросу сочинений, монографий и статей, мы имеем пред собою лишь соответственно длинный ряд отдельных, друг друга подрывающих мнений. Кисть одного историка выводит пред нами в резких контурах образ тирана вообще, в общетиранских чертах которого сливаются лица Нерона, Калигулы, Людовика XI и иных подобных, о которых только сохранилась память (Карамзин, Устрялов); при этом усердие историка в наложении черной краски иногда переходит границу и «страшный» образ перестает ужасать вследствие очевидной пристрастности рисунка (Костомаров). В изображении других описателей оживает фон картины, и образ главного лица, Иоанна, теряет поэтому резкость своих очертаний; фигура главного деятеля эпохи перестает быть отвлеченной аллегорией, она вводится в среду окружающих лиц и обстоятельств, которыми, однако же, и несколько заслоняется (С. Соловьев). Под тонкими штрихами третьих писателей личность Иоанна IV приобретает таинственный, половинчатый, загадочно скорбный облик, способный будить в душе зрителя участие и приковывать к себе его пытливый взор (Ю. Самарин, Бестужев-Рюмин). В изображении четвертых, Иоанн является натурою художественной, но лишенной нравственного чувства (К. Аксаков), человеком, который понимал эстетически красоту добра, но и любовался страшною картинностью ужасов; наконец, актером долго игравшим роль благодетельного монарха, чтобы затем десятки лет играть с таким же увлечением роль кровожадного деспота (Хомяков). По описанию пятых, Грозный был великим русским реформатором (Горский), глубоким политиком, изнемогшим под бременем своей тупой, патриархальной современности

(Кавелин). Есть попытки изобразить царя в лучезарном ореоле Победоносца, поражающего гидру русской олигархии (Белов), но есть и мнения, согласно которым царствование Иоанна Васильевича служило лишь одним из бедствий, ниспосланных свыше русскому народу для его испытания, для его закала в терпении и благочестивой преданности Промыслу (Иловайский).

Таково взаимное несогласие перечисленных ученых, большинство из которых составляет славу и гордость русской исторической науки. Крупные разногласия группируются и вокруг имени первого императора. Эта нерешенность важнейших вопросов нашего прошлого весьма естественно не может не тревожить любознательность каждого, кому дорого отчетливое понимание того, что было и что есть. Здесь, в этой законной тревоге, коренная и исходная точка нашей статьи, представляющей собою впрочем, более психологическую параллель, чем исторический очерк.

II

Лучший, совершеннейший духовный склад человека состоит, без сомнения, в гармоническом развитии и сочетании различных частей души. Если основные элементы души у человека функционируют мощно и сливаются в один звучный, стройный аккорд; если живая впечатлительность чувства соединяется с пронизательным, глубоким умом и твердою закаленной волей, то мы называем такого человека совершенным и в безусловном почтении склоняемся пред ним. Но, к сожалению, такие люди, как и все совершенное, в действительности редки. Большинство людей не чуждо недостатков, и размещается по ступеням лестниц, спускающихся с указанного высшего пункта на две стороны. Тут человечество распадается на две группы, выдвигая из себя два основных типа: тип человека, отличающегося более или менее сильною впечатлительностью и чутким разумом, при большей или меньшей слабости воли, и тип человека, обладающего противоположными свойствами. В обыденной речи это разделение людей обозначается весьма неточными словами: «теоретик» и «практик».

Человек первого рода может обладать великою емкостью и гибкостью ума. Он бывает одарен иногда способностью обозревать с высоты орлиного полета широкие горизонты, и, в то же время, проникать в глубины, в целом мире наиболее глухие, скрытые и потайные, — в глубины человеческих сердец. Его тонкая духовная организация отражает в себе не только грубые и резкие контуры окружающего, но и самые мелкие штрихи, самые легкие, летучие тени. Он как бы связан чувствительными нервами со всеми самыми отдаленными предметами, фактами и явлениями, вследствие чего жизнь этих явлений становится как бы его собственной жизнью, и он чувствует биение пульса этой жизни, он понимает смысл фактов. Даже без усиленного их изучения он отгадывает тайны, которые, на посторонний взгляд, непроницаемо закрыты. Заветы прошедшего, задачи настоящего и перспектива будущего не стоят перед ним загадочными сфинксами. Он не чувствует себя в досадном и горьком положении лица, пред которым высятся глухие стены и плотно спущенные завесы. Своего рода ясновидение дает ему возможность смотреть на хитрости окружающих людей с улыбкой, как на детское лукавство, и с состраданием — на окружающую тупость... Можно думать, что трудно найти лучшего вожака и руководителя для общества, чем человек, одаренный перечисленными качествами. Но на деле оказывается иное, ибо с этими качествами в описываемом человеке соединяется один крупнейший недостаток — слабость воли. Глубокий и ясный разум здесь лишен орудия, посредством которого мысли обращаются в действия. С умственно дальнорукостью тут идет рука об руку странная слепота относительно ближайшего места, куда нужно поставить ногу, делая каждый следующий шаг. Самая тонкость понимания становится как бы во вред своему обладателю, так как она быстро открывает пред ним перспективу разнообразных последствий совершения поступка и тем отнимает у деятеля необходимую решимость. Человек описываемого типа напоминает великого живописца, у которого парализованы руки. Гениальные замыслы роятся в его мозгу, образы чудной красоты проносятся блестящею вереницей пред его творческим взором, но художник лишен возможности закрепить их на полотне и обратить мечту в реальную действительность. Он ищет кого-нибудь, кто бы заменил ему недостающее орудие, он старается передать этому лицу всю полноту и величие своей идеи, но тотчас же убеждается в тщете своей надежды: он видит под грубыми мазками чужой кисти искажение, карикатуру и поругание взлелеянной в его сердце и дорогой ему мечты. После ряда таких неудачных попыток вызвать свои мысли к действительной жизни чужими

руками он впадает в состояние, в котором свирепое озлобление бьет ключом пополам с неутешным отчаянием.

Видя колебание и нерешительность человека рассматриваемого типа, окружающие зрители готовы уличать его в трусости. Но этот человек не трус, он только чутко впечатлителен. Он не боится в прямом смысле этого слова ни людей, ни событий. Ни врагов, ни препятствий, — он боится лишь боли, которую причиняет его тонкой и сложной организации многое, что не оказывает ни малейшего действия на людей другого склада. Предвкушение этой боли, это знание себя, заставляет его уклоняться от острых углов на жизненном пути и иногда уступать дорогу ломящейся навстречу силе. Временами указанная причина обуславливает собою неустойчиво страстное желание исторгнуться из окружающих обстоятельств. Уйти куда-нибудь подальше или спрятаться от условий жизни, которые нестерпимо режут, жмут и тиранят впечатлительную душу. Видя самое яркое проявление такого дезертирства, мы не должны, однако же, если хотим держаться справедливости, объяснять их предположением презренного малодушия и подлости в сердце беглеца. Даже с полной мерой моральной чистоты, возвышенности стремлений и теоретической твердости убеждений может соединяться несчастное свойство какой-то нравственной мимозы, которая свертывается от всякого неосторожного прикосновения.

Человека, принадлежащего к описанному разряду, часто считают склонным подчиняться чужому влиянию и быть безличным орудием чужой инициативы. Но это не верно. Кто способен видеть далеко и понимать ясно, тот не создан быть рабом; у него не бывает недостатка в собственных отчетливых взглядах на вещи. Его слабость начинается лишь там, где дело доходит до практического осуществления тщательно продуманных стремлений. Здесь, правда, действия часто заменяются у него словом, — этим чудным и великим посредником между миром мысли и миром конкретной реальности. Такую словоохотливость многие называют болтливостью, хотя она есть только естественное и наиболее удобное для слабовольных людей средство объективирования внутренней работы их ума и чувства. Назовем ли мы болтовней гениальные монологи Гамлета, который медлит проявить себя в исполнении своего дела и обнаруживает свое духовное богатство в глубоких суждениях о ценности жизни, о всеобязанности и о святости долга?... Но жизнь весьма часто не довольствуется словами, непременно требуя поступков. Во всех этих случаях человек описываемого типа нуждается в осуществлении своих стремлений и планов. Таким образом, в области практической деятельности на него постоянно кто-нибудь воздействует. В сущности, этот кто-нибудь всегда есть только слуга его замыслов; но, на посторонний взгляд, орудие обыкновенно виднее, чем руководящая им мысль, а потому, в глазах небрежного наблюдателя, слуга является господином, господин же является безличностью, которая живет и движется чужими внушениями и посторонними толчками.

Комментарий: развернутая характеристика интуиции, находящейся в блоке ЭГО, как сильной функции, позволяющей человеку превосходить окружающих в точности и полноте восприятия соответствующего аспекта информационного потока, причем речь идет о динамической интуиции — Δ. У историка возникают ассоциации с Гамлетом, подчеркивается эмоциональность описываемой личности. Хорошо видна специфика функционирования ● в суггестивно-активационном блоке СуперИД.

Когда человек, сильный умом, но слабый характером, находит себе энергического, практически даровитого помощника, то они взаимно дополняют друг друга и достигают совокупным трудом великих результатов. Но, к сожалению, хорошие исполнители редки, слуги часто бывают ленивы, алчны, лукавы и негодны. Это обстоятельство усеивает бедствиями жизнь безвольного человека. Видя неспособность, коварство и злонамеренность осуществителей своих планов, видя, во что обращается в их руках дорогое ему дело, он сменяет старых слуг новыми, — и снова замечает ту же неумелость, то же коварство и те же попытки пошлого обмана. Долгий ряд таких неудач накапливает ощущение горечи в сердце нашего героя. В отчаянии и озлоблении он решается вмешаться в дело лично, но тут его всегдашняя непрактичность еще усложняется ослеплением раздражения. Вместо целесообразных действий пред нами происходят судорожные вспышки. Все кругом изменяет вид, повсюду ложатся темные угрожающие тени, и атмосфера начинает веять ожиданием трагической бури. Зрители, еще недавно потешавшиеся сценами эксплуатирования господина слугами, теперь начинают разбегаться в страхе. Делец поневоле сам

устремляется на чужую ему арену деятельности. Воспаленная мысль подсказывает ему необыкновенно сложные, трудные и круговые пути для осуществления самых простых и близких целей; расточая без всякой экономии свои силы, взбудораживая все вокруг себя психопатическими порывами своей нервности, он покупает всякий шаг несоразмерно дорогой ценой. Наконец, свои неудачи он начинает ставить всецело на счет коварства и козней окружающих людей, его сердце исполняется жаждой мести, и если он имеет возможность утолять эту жажду, то мы становимся зрителями расправы, рафинированной жестокости и орошающей сцену человеческой крови.

Всматриваясь с отвращением и болезненной гадливостью в эту картину, мы видим, однако же, что ужас ее до некоторой степени умеряется двумя обстоятельствами. Мы видим, во-первых, что сам палач здесь является как бы участником в страданиях своих жертв. В его впечатлительной душе отражаются муки, которые он причиняет другим. Изобретая пытки для своего врага, он как бы сам переживает их, чужая боль у него сливается с собственной, и в припадке мучительного сладострастия он учащает свои обоюдоострые удары. Вследствие этого, среди воплей истязаемых слышится стон самого тирана, и к потокам крови первых примешиваются горькие слезы последнего. Затем, во-вторых, так как описываемые ужасы являются результатом бессилия слабохарактерного деятеля справиться с ближайшими обстоятельствами, трудностями и запросами практической жизни, то эти ужасы и ограничиваются, главным образом, этой ближайшей областью, не пуская корней в глубину окружающей среды. А потому, как только деятель впадает в апатию или умирает, то с ним вместе умирают и его злодеяния, оставляя по себе впечатление болезненной операции или удара пронесшейся грозы.

Комментарий: подчеркнута глубина и широта эмоциональных переживаний, глубокая эмпатия, драматический характер эмоций, невозможность отстроиться от эмоционального восприятия действительности. Безусловно, речь идет о первой функции +■.

Перейдем к рассмотрению второго из указанных выше типов.

Человек этого разряда не поражает глубиной философской спекуляции и впечатлительности чувств. Он герой практической жизни. Его силу и славу составляет могучая воля, твердый характер и здравый смысл. Он одарен великим умением ориентироваться среди всевозможного комбинирования обстоятельств, затруднений и случайностей текущей деятельности. Быстро сообразив ближайшие нужды минуты, дня или эпохи, он тотчас же уходит целиком в отыскивание всего, что полезно ввиду этих нужд. Он — крайний, неуклонно последовательный утилитарист. Он не склонен входить в какие бы то ни было компромиссы с тем, что бесполезно для данной цели, а еще более с тем, что кажется ему вредным. С бестрепетным спокойствием привычного хирурга он отсекает все ненужное ему. Он не склонен по природе к сомнению, нерешительности и колебаниям. Его не манят к себе горные выси, с которых небесная лазурь виднее, чем детали низменных земных ландшафтов. Он рожден иметь дело именно с деталями, а потому его любознательность не знает утомления в их изучении. С неустанной энергией он подвергает допросу все окружающее, все, что может пригодиться, что может быть утилизировано. Его взор никогда не устремляется задумчиво в пространство, его глаза всегда отыскивают пищу для ненасытной практической деятельности. Любопытные естественные явления, замечательные факты игры природы, изобретения прикладных наук, рассказы сведущих людей, образцы чужого творчества в области человеческой борьбы с природой или общественного уклада, — вот обширная нива, на которой наш герой собирает свою жатву. Он приобретает здесь вооружение для успешного осуществления своего назначения — быть великим техником жизни.

Само собою разумеется, что человек рассматриваемого типа не принадлежит к числу тех, которые останавливаются в недоумении на перекрестках, приходят в смущение перед препятствиями и зовут на помощь окружающих. Он сам твердою рукой управляет рулем своей ладьи. Употребляя в дело помощников, он не отходит в сторону, чтоб издали терзаться их неловкостью или проклинать их нечестность. Он всегда и всюду действует лично; он гонит пред собой сотрудников как послушное стадо. И горе тому из них, который бы попытался свернуть с дороги, остановиться или оказать ему сопротивление. В своем неудержимо быстром энергическом движении он увлекает всех за собою. Волей или неволей за ним приходится следовать и следовать немедля, ибо участь отсталых незавидна. Описываемый человек не

склонен тратить время на исследование причин неповиновения; его трудно заинтересовать тонкостью психологического анализа чужой души, или очаровать таинственной прелестью далеких перспектив, или увлечь красотой зрелищ с высоты птичьего полета. Он твердо исповедует принцип: «кто не со мной, тот против меня» и поступает круто, сообразно с этим девизом.

Комментарий: хорошо описан сенсорный экстравертированный тип личности. Деятельная активность и широта интересов свидетельствует об экстраверсии. Волевая сенсорика ● как первая функция видна в проявлениях «могучей воли», «твердого характера» и здравого смысла. Бескомпромиссность и бестрепетность его поступков приводят к мысли о логике как сопутствующей (второй) функции. Практичность, утилитарность, технологичность мировоззрения свидетельствуют о принадлежности к клубу сенсорно-логических типов. Таким образом можно сделать предварительный вывод, что речь идет о сенсорно-логическом экстраверте ●□.

Отдавая дань уважения очерченному духовному складу, который делает человека нередко мощным героем практического дела, мы, тем не менее, не можем не заметить его односторонности. И эта односторонность, эта душевная узость деятеля дает себя знать весьма ощутительно. Описываемому человеку кажется, что все окружающее ему известно вполне, а между тем он знает только наружную, прикладную сторону людей и предметов. Он видит прекрасно деревья, но часто из-за них не замечает леса. Вот почему его блестящая на вид практическая талантливость иногда оказывается близорукою, а его, по видимому, трезвый утилитаризм ведет, на самом деле, к дефициту. Давая излишнее преимущество ближайшему и настоящему над дальнейшим и будущим, он обнаруживает склонность быстро и энергично рубить деревья, чтобы достать их плоды. Весьма часто его действия, рассматриваемые среди ближайшей их обстановки, кажутся разумными и справедливыми, но стоит взглянуть на них с более отдаленного и возвышенного пункта, и они являют совсем другие свойства. Они производят иногда, в длинной цепи своих последствий, такие результаты, которых не желал и не предвидел деятель. Эта близорукость, способная неумышленно жертвовать будущим настоящему, часто приводит также к своеобразной, весьма лютой жестокости. Человек описываемого типа не склонен, правда, сеять вокруг себя бесцельные, ненужные страдания. Его спокойная, крепкая природа не знает сладострастия мучительства, но отсюда еще вовсе не следует, чтобы все окружающие чувствовали себя легко, свободно и радостно. Совсем напротив. Рассматриваемый деятель видит в людях только служебный материал для осуществления своих целей. Как архитектор поступает с камнями, укладывая, пригоняя и отсекая их сообразно составленному плану, так и изображаемый нами деятель обращается с людьми. Он игнорирует со спокойным сердцем то обстоятельство, что каждое человеческое существо заключает в себе целый мир самостоятельных мыслей, чувств, стремлений и чаяний. Это-то игнорирование обуславливает собою жестокость, самую ужасную в мире, жестокость бессознательную и как бы механическую, которая опускается на жертву, точно крышка свинцового гроба на живого человека. Есть муки, испытывая которые, мы чувствуем, что наш мучитель понимает нашу духовную субъективность, что он состоит в общении с нашим внутренним миром и что его тиранство есть результат как будто временного разгара его страстей, временного недоразумения или устранимого разлада между ним и нами. Здесь сохраняется, таким образом, возможность спора, борьбы, надежды и ожидания. Самая бесчеловечная тирания этого рода все же сохраняет в себе до известной меры человечность. Но отношение к нам человека рассматриваемого второго типа может быть ужасно именно тем, что оно бывает бессознательно жестоко. Этот человек совершенно искренно не видит и не слышит того, что живет и трепещет в глубине нашей психической личности. Хлопоча о нашем же благополучии, громоздя и передвигая жизненные обстоятельства для нашего же удобства, он тяжело наступает в наивном неведении, на самые чувствительные струны и на самые больные нервы нашего духовного организма. И наше сердце отзывается в ответ неутешно горьким чувством, в нашу душу закрадывается смертельная, глухая тоска, без просвета и без надежды. Таково действие односторонности склада людей описываемого типа.

Комментарий: отмечена слабость интуиции, свойственная сенсорному типу. Описание слабой этики отношений □ имеет все черты характеристики четвертой функции. Это описание подтверждает предположение о том, что описывается именно тип ●□ (СЛЭ).

Не проводя дальше нашу параллель, мы смеем думать, что и в сделанном контуре она может способствовать, до некоторой степени, освещению двух крупных деятелей отечественной истории, освещению личностей Иоанна Грозного и Петра Великого.

III

Умственная даровитость Иоанна Васильевича едва ли может быть оспариваема. О ней говорят единогласно свидетельства современников, которые с именем царя соединяли эпитет: «смышлением быстроумен» и повторяли с полной верой сказание о том, будто уже до рождения Грозного его матери было предсказано неким мужем-провидцем: «родится Тит, широкий ум». Такое же впечатление производил царь и на иностранцев: англичанин Горсей аттестует его как человека «быстрого ума». В потомстве ближайших времен сохранилось столь же категоричное мнение; так, хронограф XVII века называет Иоанна «мужем чудного рассуждения, в науке книжного научения довольным». Но еще рельефнее и доказательнее свидетельствуют об умственных дарованиях первого царя политические намерения его царствования. Стоит лишь припомнить мудрые усилия Иоанна вывести неправду из обихода внутренней политики России и оживить ее общественный организм притоком самодеятельности. Стоит вспомнить затем издание Судебника, Стоглав и т. д. Нельзя обойти молчанием и завоевание Казани, этот великий подвиг, раздавивший вражеское бусурманское гнездо и обезопасивший пределы православной Руси. Правда, Иоанн не уничтожил татар до конца, устремив свое внимание на Запад, но и в этом должно видеть только образчик его дальновидности. Орда разлагалась внутренне, ее дни были сочтены. Однако же, покровительствуемая Турцией, она была еще страшна для всякого, кто позволил бы себе приблизиться к ней неосторожно. И Иоанн не подходил к ней как к издыхающему опасному зверю, которого предоставляют его собственной неизбежной участи. Крым знаменовал для России оканчивавшееся прошедшее, Ливония — начинавшееся будущее.... Не входя в подобное перечисление общеизвестных событий истории Грозного, мы остановимся на факте, в котором с особенной яркостью проявился высокий уровень его дарований. Мы подразумеваем формулированную Иоанном теорию русской царской власти.

Проникая мыслью в прошедшее своей страны, обобщая народные политические взгляды, симпатии, усилия и труды, которые сосредоточивались и росли из века в век вокруг русского престола, Иоанн Васильевич пришел к твердому и верному убеждению, что власть его облакающая не добыта узурпацией, договором или меной, а непосредственно унаследована им от предков. И он утверждал с полной верой в свои слова: «Божьим велением и родителей своих благословением свое взяхом, а не чужое восхитихом». ореол божественного позволения не был для него лишь удобным атрибутом власти; веру в этот ореол он вдохнул в атмосфере религиозно-политических убеждений своего народа. К тому же его собственный разум, созерцая многовековое возведение сложного государственного здания, отказывался видеть строителей этого здания в отдельных людях с их изменчивыми стремлениями и слабыми силами. Он верил в иного высшего Зодчего, подобно тому, как и древний философ (Цицерон), глядяваясь в многосложность механизма политического общежития, пришел к заключению, что нельзя понимать это общежитие как случайный продукт разнообразных противоречивых человеческих воль, а необходимо признать здесь единую, высшую творческую силу, волю божественную.

Ясность мысли Иоанна в понимании существа русской государственной власти особенно проявилась в том, что он не внес в свою теорию элементов цезаризма и тирании. Смысл цезаризма заключается в отождествлении власти с личностью властителя, но Иоанн Васильевич не делал такого отождествления. Он не ставил свою власть в зависимость от своих свойств или достоинств, он всегда выдвигал вперед лицо государственное, царскую личность, которая остается одинаково великою, каковы бы ни были качества лица, облеченного ею. Иоанн сам преклонялся пред собою, как пред русским царем, весьма часто осуждая себя строго, как человека. Он требовал себе повиновения как временному представителю политического единства страны и справедливо полагал, что долг каждого гражданина заключается в терпеливом перенесении царской немилости, ошибки, даже обиды. Это не

«крепостническая» точка зрения, как думал Костомаров, а элементарное положение здравого политического смысла. Испытывая обиду от частного лица, мы можем защищаться, мстить или спасаться бегством, но поступать так в качестве гражданина — значит ставить свой личный интерес выше интересов отечества и обнаруживать свойства холопа, недовольного господином. Иоанн укорял бояр за их отъезды из России именно потому, что видел в себе не властвующую личность цезаря, а лишь средоточие политического единства страны. Сознание этого различия в нем сохранялось даже тогда, когда он, казалось, кичился и похвалялся размером силы своей власти. Известно его презрительное отношение к некоторым из европейских государей. Польским послам он говорил, например, об избрании в короли Батория: «мятежом человеческим, хотя кого бы и хуже выбрали, то вам государь». В том же духе он высказался в письме к английской королеве Елизавете: «мы чаяли, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь, ажно у тебя мимо тебя люди владеют, а ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». Однако же все это презрение не было у Иоанна презрением богача к бедняку или человека, хорошо устроившегося лично, по отношению к людям менее выгодного положения. Осуждение избирательной и ограниченной формы государственной власти обуславливалось у Грозного искренним его убеждением, что «горе граду, им же мнози обладают». Он ценил высоту трона, как гарантию должного отдаления политики от сутолоки личных интересов, страстей и притязаний частных эгоизмов. Малейшую же шаткость верховной власти он считал причиной бедственного положения, при котором законодательные скрижали, весы правосудия и меч военной силы падают в водоворот общежития, причем все сословия, партии, фракции и личности простирают к ним руки и стремятся обратить их на служение своекорыстным расчетам. «Аще убо царю не повинуются, — говорил он, — никогда же от междоусобных браней престанут; се ибо злоба обычна: сами себя хапати!»

Не пятная принцип монархизма примесью цезаристического элемента, Иоанн был далек от того, чтобы отождествлять в теории царскую власть с тиранической. По определению всех политических мыслителей, начиная с Аристотеля, Монтескье и т.д., *тирания есть государство, в котором все интересы страны и народа принесены в жертву выгодам одного лица, стоящего во главе*. Обращаясь к теории Иоанна, мы не находим в ней такого жертвоприношения, мы не видим, чтобы здесь государство низводилось до значения пьедестала для личного величия и благополучия государя. Царская власть понималась Грозным не как орудие удовлетворения его вожделений, похотей и произвола, а как совокупность твердых непреложных обязанностей. «Ко благим милость, — говорил он, — ко злым ярость, аще ли же сего не имея, несть царя: царь бо несть боязнь делом благим, но злым; хощеши ли бо не бояться власти? Твори благо; аще ли зло твориши, бойся не бо туне меч носить — в месть злодеям, в похвалу же добродеем». Чувствование этих обязанностей, вероятно, воодушевляло его в тот момент, когда он, будучи еще двадцати летним юношей, стоял на Лобном Месте и, кланяясь народу на четыре стороны, обещал ему быть, насколько хватит силы, судьей и обороной, разорять неправды и возвращать похищенное. Только при сознании обязанностей, совершенно неуместном в тиране, возможно понимание ответственности за надлежащее исполнение долга — ответственности, которую Грозный выразил в следующих сильных словах: «Сице аз верую неумытому судищу Спасову! И от Божия всемогущия десницы живым и мертвым кому возможно где скрытися! Вся нага и отвеста!»

Комментарий: отношение Иоанна к власти как к чему-то объективному и отсутствие отождествления своей личности и власти говорит об экстравертированности типа. Для интроверта, напротив, отождествление себя и власти совершенно естественно в силу субъективности интровертного мышления. Иоанном власть рассматривается как проявление некоего объективного закона и как способ поддержания правильного мироустройства. Характер такого отношения к власти близок к идеологии β-квадры.

(продолжение следует)